

Игуменья Домника (Коробейникова),
*настоятельница Александро-Невского Ново-Тихвинского женского
монастыря г.Екатеринбурга*

**КРОВЬЮ СВОЕЮ ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ЗАПЕЧАТЛЕВШИЕ
ХРИСТИАНСКИЙ ПОДВИГ ГРАФА ИЛЬИ ТАТИЩЕВА
И МАТРОСА КЛИМЕНТИЯ НАГОРНОГО**

Два года назад, в конце 2014 года, по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла членами комиссии по канонизации святых Екатеринбургской митрополии был начат сбор сведений о верных Царских слугах, убиенных на Урале в 1918 году. В феврале 2016 года на основе собранных материалов был прославлен в лике страстотерпцев доктор Е. С. Боткин. К настоящему времени подготовлены также материалы на канонизацию князя В. А. Долгорукова, личной фрейлины Императрицы графини А. В. Гендриковой, горничной А. С. Демидовой и повара И. М. Харитонов. Доклад, посвященный их судьбам и подвигу, был сделан членами Екатеринбургской комиссии на Рождественских чтениях в 2016 году.

Сейчас хотелось бы рассказать еще о двух верных Царских слугах: генерале графе И. Л. Татищеве и матросе К. Г. Нагорном, дядьке Цесаревича Алексея. Несмотря на то что они были очень разными по сословной принадлежности, по образованию и воспитанию, их объединяла искренняя вера в Бога, любовь и милосердие к людям, верность своему долгу и глубокая преданность Царской семье вплоть до готовности пожертвовать своей жизнью.

Граф Илья Леонидович Татищев был удивительным человеком. С первого взгляда он производил на всех глубокое впечатление. Каждый чувствовал в нем необычайную мягкость и доброту и в то же время большую духовную силу. «Благородный, идеально честный», «необыкновенно добрый», «по-христиански милосердный», «человек трогательной доброты» — так обычно отзывались о нем. И даже те люди, которые в силу роковых обстоятельств были его противниками, говорили о И. Л. Татищеве с искренним уважением: «Он вел себя достойно», «Он не имел презрения к людям». Граф Татищев действительно был исполнен благородства и христианской любви к ближним. Всем сердцем любивший Евангелие, которое он знал наизусть и исполнял жизнью, он и в других своей верой, добротой и милосердием пробуждал память о Боге.

К счастью, до наших дней сохранилось немало документов, которые раскрывают перед нами жизненный путь и личность генерала Татищева. Материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском Государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском Государственном историческом архиве (РГИА) и других архивах, содержат ценные сведения о его самоотверженном служении

Отечеству, о помощи людям, о его глубокой христианской вере, о благородном и достойном поведении во время заключения вместе с Царской семьей и, наконец, о его мученической кончине. Граф Татищев, один из самых достойных сынов Царской России, оставил глубокий след в памяти современников — опубликованы воспоминания многих лично знавших его людей; также некоторые очень ценные воспоминания найдены в рукописях и редких изданиях.

Граф Илья Леонидович Татищев был из тех людей, у которых благородство, как говорят, в крови. Он принадлежал к одному из древнейших дворянских родов России, ведущему происхождение от князя Рюрика¹. Многие представители этого рода с особой самоотверженностью служили Родине и Государю. Илья Татищев родился 11 ноября 1859 года в семье генерала Леонида Александровича Татищева и его супруги Екатерины Ильиничны, урожденной Бибиковой. Именно родители воспитали Илью в христианском духе. Они дали ему и хорошее домашнее образование (он обучался музыке, живописи и в совершенстве владел несколькими иностранными языками), но главное, чему они научили сына, — это вера, любовь к чтению Священного Писания, милосердие и сострадание к людям. С детства Илья был очень добрым и отзывчивым. Он любил Евангелие, постоянно его читал и даже выучил наизусть. Слово Божие, запечатленное в уме и сердце, воспитало его как истинного христианина и стало для него руководителем на всю жизнь.

Илья Татищев с юных лет желал посвятить себя служению Отечеству. Он был усерден и в учении, и в любом деле. В 20 лет, блестяще окончив Пажеский корпус, он начал свою службу в Лейб-гусарском Его Величества полку. Это было в 1879 году. Мать Ильи Татищева, Екатерина Ильинична, как благословение на дальнейшую жизнь подарила сыну четыре маленьких Евангелия, хранившихся в кожаном футляре, который было удобно носить с собой. С подарком матери Илья Леонидович не расставался никогда.

Свою службу в Лейб-гусарском полку Илья Леонидович нес старательно, был исполнительным, выдержанным. Благодаря прекрасным качествам души, ответственности, честности, он пользовался всеобщим уважением, и ему стали доверять всё более высокие должности. Пять лет он прослужил адъютантом у командира Гвардейского корпуса в Петербурге — Александра Петровича, принца Ольденбургского². Принц, при всей своей

¹ Согласно справочнику о титулованных родах Российской империи, составленному в начале XX века С. В. Любимовым, род графов Татищевых происходит от Смоленского князя Дмитрия Святославовича, потомка князя Рюрика в 15-м поколении. См.: Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи: Опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем / Гос. публ. ист. б-ка России. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. С. 133.

² Александр Петрович, принц Ольденбургский — правнук императора Павла I, генерал-адъютант, член Государственного Совета. С апреля 1885 года по сентябрь 1889 года состоял командиром Гвардейского корпуса. Сохраняя свой высокий военный пост, Александр Петрович в 1881 году стал попечителем императорского Училища правоведения, детского приюта принца Ольденбургского и Свято-Троицкой общины сестер милосердия. Его жена — Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская, была дочерью Максимилиана, герцога Лейхтенбургского и Великой Княгини Марии Николаевны. Она являлась

широкой общественной и благотворительной деятельности, имел непростой характер, был крайне строг и требователен к подчиненным. Неточное выполнение своего распоряжения он воспринимал «как личное оскорбление»³. Безусловно, служить под началом такого человека было нелегко, однако Илья Татищев подчинялся принцу с большой самоотверженностью и добрым расположением. Он научился быстро понимать смысл его приказаний и точно их исполнять. Принц отвечал ему искренним уважением и доверием. В отношениях с сослуживцами Илья Татищев был неизменно открытым, простым и отзывчивым, так что они называли его «милейшим» человеком, обладавшим «трогательной добротой»⁴.

Следующие пятнадцать лет⁵ граф Татищев служил адъютантом у Великого Князя Владимира Александровича — третьего сына Императора Александра II. Великий Князь также очень любил своего адъютанта: Илья Леонидович своей добротой и искренностью располагал к себе все сердца. Даже сын Великого Князя Кирилл Владимирович, относившийся критически ко многим государственным лицам, писал о И. Л. Татищеве, что «трудно представить себе более благородного и преданного человека»⁶.

Граф Татищев немало сил отдавал служению Православной Церкви, он был ее верным сыном. Будучи адъютантом Великого Князя Владимира, он вступил в православное Свято-Князь-Владимирское братство⁷ и состоял в нем до конца своей жизни. Братство строило и содержало православные храмы в Германии, а также оказывало помощь русским людям, находящимся за границей, — все это было очень близко боголюбивому и сострадательному сердцу Ильи Татищева. В том же Братстве состояли епископ Феофан Затворник, кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев, архиепископ Японский Николай, митрополит Владимир (Богоявленский), Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и другие.

Граф Илья Татищев являлся также заместителем председателя Комитета по строительству храма Воскресения Христова в Санкт-Петербурге — на месте, где 1 марта 1881 года был смертельно ранен Император Александр II. К строительству храма Илья Леонидович относился трепетно, как к делу Божьему, и исполнил это поручение прекрасно. Храм, получивший название Спаса на крови, был торжественно освящен в 1907

попечительницей Комитета о сестрах Красного Креста, общины Св. Евгении и Максимилиановской лечебницы.

³ Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1933 год. Режим доступа: <http://ldn-knigi.narod.ru>.

⁴ Карамзин А. А. Из послужного списка штабс-ротмистра Александровского полка А. Карамзина // Альманах Дворянского собрания. 1998. № 9. С. 228.

⁵ С 1890 по 1905 годы.

⁶ Великий Князь Кирилл Владимирович. Император. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. Режим доступа: <http://korshu.ru/kirill-vladimirovich-imperator-moya-jizne-na-slujbe-rossii-spb/> (дата обращения: 16.12.2016).

⁷ Православное русское церковное Свято-Князь-Владимирское братство было основано в 1890 году настоятелем посольской церкви св. Владимира в Берлине протоиереем Алексием Мальцевым (1854–1915) как благотворительное общество.

году в присутствии Государя, после чего граф Татищев удостоился получения всемилостивейшего рескрипта, то есть благодарственного письма от Императора.

Вся жизнь Ильи Леонидовича проходила в служении Отечеству. Он не был женат и, по свидетельствам современников, вел жизнь добропорядочную и скромную. Сохранилась ценная рукопись — воспоминания помещика Николая Петровича Олферьева, имение которого находилось рядом с поместьем Татищевых в Пензенской губернии⁸. В этой рукописи Илья Леонидович предстает как человек, не любивший праздности, благоговейный и серьезный. Сравнивая характеры Ильи Татищева и его младшего брата Леонида, Н. П. Олферьев писал: «Старший брат Ильи, скромный и серьезный человек, приезжал в имение не более, как на неделю, чтобы посмотреть, как идет хозяйство. Он, обычно, навещал моего отца, чтобы посоветоваться по делам сельского хозяйства и просить изредка навещать имение и давать советы их управляющему. Младший Татищев, если приезжал в имение, то на несколько месяцев, увлекался лошадьми и всякими деревенскими развлечениями, но в хозяйство не вникал.

Старший брат, Илья Леонидович Татищев, по характеру, укладу жизни был полной противоположностью младшему брату. Он... был далекий от каких-либо светских романов. Он не был женат, любил сидеть дома с книгой, особенно его интересовали сочинения людей науки по экономическим вопросам. Думаю, получи Татищев не военное воспитание и не вращался бы он, в силу сложившихся обстоятельств, в высшем свете, из него вышел бы скромный ученый»⁹.

В 1905 году в жизни графа Ильи Татищева произошли большие перемены. 26 октября 1905 года Великий Князь Владимир Александрович был освобожден от должности главнокомандующего, вместо него назначили Великого Князя Николая Николаевича. Новый командир сразу же уволил нескольких адъютантов, в числе которых оказался и полковник И. Л. Татищев. В то время графу Татищеву было 46 лет, он уже более 25 лет безупречно нес свою службу, был хорошо известен Государю своим благочестием и преданностью делу, и Император пожелал иметь его в числе своих приближенных. В день своих именин, 6 декабря 1905 года, он произвел графа Татищева в генерал-майоры и назначил в свою свиту. Почти сразу Илья Леонидович получил новое ответственное поручение — как человек особо благонадежный он был назначен представителем Царя Николая II при германском Императоре Вильгельме II.

Генерал Татищев произвел приятное впечатление на Вильгельма II, который в письме Николаю II отметил: «Для меня в высшей степени важно

⁸ Поместье в селе Протасово Саранского уезда Пензенской губернии досталось Илье Леонидовичу и его младшему брату Леониду в наследство от дяди — Александра Александровича Татищева (1823–1895), тайного советника, в 1872–1887 годах пензенского губернатора, с 1886 года сенатора, с 1892 года члена Государственного совета.

⁹ Воспоминания Николая Петровича Олферьева. РГБ. Ф. 509. Картон № 1. Ед. хр. 8. Воспоминания о службе. Ч. 1 и 2. Л. 8.

знать, что он пользуется полным твоим доверием, и я буду в случае надобности с удовольствием прибегать к его услугам в своих частных сношениях с тобой. Он — желанный гость здесь и в рядах моего Генерального штаба, к которому он теперь принадлежит»¹⁰. Около девяти лет находился генерал Татищев в свите Вильгельма II и участвовал во многих международных встречах, поездках и дипломатических приемах Императора. Служение при Вильгельме II было весьма непростым. Кайзер, привыкший днем отдыхать и потом допоздна заниматься делами, удерживал при себе свиту вплоть до 12 часов ночи. Один из знавших Императора описывал, как общался Вильгельм II с придворными: «Он грубо шутил со своими генерал-адъютантами, даже очень почтенными. Я сам видел, как он хлопал по спине (и ниже спины) даже таких людей, как Шлиффен¹¹»¹². Для того чтобы прослужить девять лет у такого человека, И. Л. Татищев должен был обладать большим запасом терпения, выдержки и кротости. Всякий раз, когда Император бывал недоволен какими-либо действиями Российского правительства или политической публикацией в газете, он мог подолгу не разговаривать с И. Л. Татищевым, иногда это длилось неделями, вплоть до целого месяца. Илья Леонидович переносил это спокойно, ожидая, пока пройдет гнев Императора. В общении с германским монархом он всегда был мирен и безгранично терпелив.

Находясь в Германии, граф И. Л. Татищев стал больше времени уделять работе в Князь-Владимирском Братстве. В апреле 1908 года на общем собрании Братства его избрали вице-председателем. В период его вице-председательства было построено несколько храмов. Особенно большим благодеянием Братства было приобретение церкви в курортном городке Бад-Наугейме, куда на лечение приезжало много русских. Братство выкупило пустовавшую Рейнгардскую церковь в старой части города, полностью перестроило ее, и в июле 1908 года церковь была освящена как православная во имя святителя Иннокентия Иркутского и преподобного Серафима Саровского.

Граф И. Л. Татищев обладал очень милостивым сердцем, любил помогать ближним и, по заповеди Евангелия, часто делал больше, чем его просили. Милосердие и отзывчивость графа были столь широко известны, что к нему обращались за помощью по самым неожиданным поводам. Приведем лишь один пример того, насколько отзывчив был генерал Татищев на просьбы. Однажды, возвратившись поздно домой, Илья Леонидович нашел телеграмму от своего знакомого, у которого заболел ребенок и который попросил найти хорошего педиатра. Генерал Татищев не знал никаких детских врачей в Берлине, однако его доброе и нежное сердце не могло не откликнуться на чужую боль. И, несмотря на поздний час, он

¹⁰ Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918; Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг.; Отто Бисмарк. Вильгельм II: Воспоминания и мысли / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2007. С. 407.

¹¹ Шлиффен Альфред фон (1833–1913) — граф, германский военный теоретик, генерал-адъютант императора Вильгельма, с 1911 года генерал-фельдмаршал.

¹² Мосолов А. А. При дворе последнего Императора. СПб.: Наука, 1992. С. 204.

отправился за сведениями к своему знакомому фон дер Флиту — отцу нескольких детей, и тот посоветовал графу Татищеву обратиться к доктору Багинскому — директору королевской детской лечебницы. Илья Леонидович не удовлетворился простой информацией, он сам съездил в лечебницу, чтобы убедиться в правоте мнения Флита. Затем И. Л. Татищев послал своему знакомому срочную телеграмму с собранными сведениями, а также письмо, заканчивавшееся словами: «Желаю твоему сыну скорейшего выздоровления. Целую руку. Искренне твой Илья Татищев»¹³. Благодаря быстро оказанной помощи ребенок поправился. И это был только один случай из многих. Многие люди, оказавшись в трудных обстоятельствах, обращались к графу Татищеву. Один из его друзей за его всегдашнюю готовность исполнять желания ближних называл его «золотой рыбкой»¹⁴.

К служению, порученному ему Царем Николаем II, генерал Татищев относился с большой ответственностью. Он оказался на дипломатическом поприще в сложный период мировой истории, когда между ведущими мировыми державами обострились отношения из-за передела колоний, сфер влияния и стали создаваться военно-политические союзы. Илья Леонидович регулярно посылал Царю Николаю II донесения о внутривосточных событиях в Германии и внешней политике ее правительства, о настроении, встречах и разговорах Императора Вильгельма II. Из этих донесений видно, что Германия, несмотря на заверения Вильгельма в дружественных чувствах к России и желании мира, которые он высказывал в письмах к Николаю II, усиленно готовилась к войне.

Когда началась Первая мировая война, граф Татищев был отозван Императором в Россию, где стал выполнять разные его поручения, часто выезжая на фронт. В этот напряженный период граф Илья Татищев вынужден был много времени проводить в дороге. Любимым его дорожным занятием было чтение Евангелия. Однажды в поезде вместе с ним оказался молодой офицер А. А. Карамзин. Он оставил воспоминания о своей встрече с генералом Татищевым, которая сильно его поразила: «Постучался к Илье Леонидовичу однажды в купе и услышал знакомое: „Да!“. Сидит на диване, ноги калачом, в руках маленькая книжица величиной в два спичечных коробка. Заложил ее кончиком пальца, поднял на меня свои светлые детские глаза.

— Что это у вас за книжечка, Ваше Превосходительство? — полюбопытствовал я и добавил первое, что пришло в голову: — Смахивает на шпаргалку.

Он расхохотался.

— Эта книжечка, дорогой мой, мала, но дороже всех книг в мире.

И показал мне крохотное Евангелие. Четыре таких книжицы в тисненых синих лайковых переплетах вкладывались в футлярчик из той же кожи. Я тут же, с детства увлекаясь рисованием, изобразил на чистых листах

¹³ РГИА. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 103. Л. 2 об.

¹⁴ Карамзин А. А. Из послужного списка штабс-ротмистра Александровского полка А. Карамзина. С. 231

каждой из них то, что положено евангелисту, — человека, тельца, орла и льва.

Печать в Евангелии была слишком мелкая, и я поинтересовался:

— Смею спросить, Ваше Превосходительство, а как Вы читаете без очков?

— А я помню текст наизусть и просто держу ее в руках. Как это Вы изволили выразиться?

— Как шпаргалку.

— Вот-вот, как шпаргалку, — и снова засмеялся. — Вам они нравятся? Эти не отдам, то — подарок-благословение моей мамы. Но подарю непременно Вам такие же.

И действительно, через неделю он мне их вручил с советом читать, чаще думать о прочитанном и стараться делать в жизни все, что возможно, по Евангелию...

А свои книжицы, подаренные мне Татищевым, я оформил такими же рисунками и возил с собою в нагрудном кармане всю войну. При одном взгляде на них я слышал его напутственные слова — „жить по Евангелию“ — и передо мной вставало чудное, полное доброты и света лицо Ильи Леонидовича»¹⁵.

Этот эпизод приоткрывает завесу над внутренней духовной жизнью графа Татищева, дает возможность понять, каким образом ему удавалось в тяжелейших жизненных обстоятельствах сохранять любовь к Богу и ближним. Вряд ли в то время нашлось бы много людей, особенно среди представителей высшего общества России, которые знали бы наизусть все Евангелие. Даже и среди людей духовного сословия это было тогда большой редкостью. И эта исключительная любовь графа Татищева к Евангелию открывает всю глубину его веры. Кроме того, в этом кратком эпизоде А. Карамзину удалось сказать очень многое о большой любви Ильи Леонидовича к ближним, о мире, который изливался из его сердца, о его искренности и простоте. Генерал Татищев подлинно «читал Евангелие, Книгу Жизни делами»¹⁶.

В 1917 году начался совершенно новый период в жизни И. Л. Татищева: февральская революция положила начало его крестному пути вместе с Государем и его семьей.

В марте Государь с Государыней и детьми были арестованы и заключены под стражу в Александровском дворце. Вскоре после этого, как вспоминал сын доктора Боткина Глеб, среди придворных началась «настоящая оргия трусости и глупости, отвратительного проявления низости, презренной неверности. Большинство придворных не теряли времени и делали все, что было в их силах, чтобы убежать, и были далеки от желания остаться с Императрицей, с беспокойством занимались отпарыванием

¹⁵ Карамзин А. А. Из послужного списка штабс-ротмистра Александровского полка А. Карамзина. С. 230–231.

¹⁶ Практическая энциклопедия: Основы правильной духовной жизни: по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) / Сост. свящ. Сергей Молотков. СПб.: Сатис, 2003. С. 127.

Императорских инициалов со своих погон и демонстрировали другие столь же нелепые действия, в отчаянном усилии скрыть свою причастность и бывшую связь с Императорским Двором, которая сейчас стала считаться „позорной“ и компрометирующей»¹⁷.

На фоне общего предательства и трусости особенно ярко выделялось благородное поведение И. Л. Татищева. Болея сердцем за Государя и желая быть ближе к нему, он приезжал в Царское Село, несмотря на то что это было очень опасно, так как почти сразу же после отречения Государя начались аресты генералов. В такой ситуации, для того чтобы открыто приезжать в Царское Село, требовалась большая отвага. Самое меньшее, что угрожало графу Татищеву, — это арест. И действительно, в первые же дни революции генерал Татищев был в Царском Селе арестован и отправлен в Петропавловскую крепость, однако вскоре по ходатайству Императрицы его освободили.

В первой половине июля 1917 года на заседании Временного правительства было принято решение о ссылке членов Царской семьи в Тобольск. Вместе с ними должен был отправиться граф П. К. Бенкендорф, однако он не смог поехать из-за преклонного возраста и болезни супруги. Государь предложил генерал-майору К. А. Нарышкину¹⁸ поехать вместо графа Бенкендорфа. Нарышкин попросил дать ему на обдумывание 24 часа. Услышав это, Государь отказался от его дальнейших услуг. А. Ф. Керенский приказал спросить Государя, не желает ли он выбрать кого-то другого, и Император избрал И. Л. Татищева. Как вспоминала Татьяна Боткина, видимо, со слов своего отца, лейб-медика Евгения Боткина, «Николай II предложил целый список генералов свиты. Когда им сообщили о желании Императора, ни один из них не выказал желания сопровождать Государя в Сибирь. Последним в списке Царь упомянул генерала Татищева, который сразу же согласился»¹⁹, притом что он в отличие от других не был раньше так близок Государю, не жил во дворце.

Илья Леонидович не раздумывал ни минуты. Страшные для многих, звучавшие как приговор слова о том, что нужно ехать в ссылку с низверженным, униженным Царем, для И. Л. Татищева прозвучали как призыв Божий. Он сказал с полной готовностью: «Раз Государь желает этого, мой долг исполнить волю моего Государя»²⁰. Граф Татищев быстро устроил свои дела, сообщил о своем решении матери и в тот же день добровольно отправился под арест, присоединившись к верным слугам, уже состоявшим при Царской семье. Мать Ильи Татищева, Екатерина Ильинична, полностью одобрила поступок сына. Ее подруга, княгиня Вера Голицына, впоследствии вспоминала: «Татищев в Петрограде оставил старую 80-летнюю мать,

¹⁷ Gleb Botkin. The real Romanovs as revealed by the late Czar's physician and his son. N. Y., 1931. P. 139–140.

¹⁸ Помощник начальника Военно-полевой канцелярии императора Николая II, начальник главной квартиры императорского Двора, флигель-адъютант.

¹⁹ Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О. Т. Ковалевская. СПб.: Царское дело, 2014. С. 331–332.

²⁰ Дитерихс М. К. Гибель Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале: В 2 ч. М.: Скифы, 1991. Ч. 1. С. 260–261.

которая уже не надеялась его вновь увидеть. Эта старая женщина от всей своей души поддержала сына в исполнении его долга. Когда я посетила ее несколько дней спустя, она с нежной гордостью говорила о своем дорогом сыне. Восхищаясь им, она подавляла свою печаль. Но ее старое сердце не выдержало. Изнуренное тревогой, оно перестало биться 22 августа»²¹. Екатерина Ильинична скончалась всего через три недели после отъезда сына в Тобольск.

Илья Леонидович согласился сопровождать Царя с радостью. Он всем сердцем любил своего Государя и глубоко сострадал ему. При этом он понимал, что согласиться на просьбу Царя — это значит взять крест, обречь себя на многие страдания, поношения и даже на смерть. И конечно, не только чувство долга и простая человеческая нравственность побуждали его к этому решительному поступку, но глубокая вера и стремление исполнить евангельские заповеди, которыми он руководствовался всю свою жизнь. Илья Леонидович был в то время уже не молод, ему было 58 лет. Однако он несколько не колебался в своей решимости последовать за Государем по крестному пути. Очевидцы передают слова Ильи Леонидовича, исполненные твердости и любви к Государю: «На такое монаршее благоволение у кого и могла ли позволить совесть дерзнуть отказать Государю в такую тяжелую минуту. Было бы нечеловечески черной неблагодарностью за все благодеяния идеально доброго Государя даже думать над таким предложением, нужно было считать его за счастье»²². И как отмечал А. Карамзин, «Государь не ошибся в графе Татищеве, ведь страдания Его Величества порожила не только революционная среда, но и предательство тех, кто издавна пользовался Монаршей милостью»²³.

О поступке графа Татищева полковник Федор Викторович Винберг, шталмейстер высочайшего Двора²⁴, с восхищением писал, что такая самоотверженность и преданность «навевает чувство отрады и удовлетворения, дает отдых от всех актов малодушия, низости и подлости, которые пришлось в революционную пору наблюдать в таком громадном количестве»²⁵. Даже социал-революционер А. Ф. Керенский признавал: «Татищев держал себя вообще с достоинством, вообще, как должно, что тогда в среде придворных было редким исключением»²⁶.

Шестого августа Царственные узники и их верные слуги прибыли в Тобольск. О том, как заключенные проводили свое время в ссылке, известно

²¹ Calitzine Vera, princesse. *Reminiscences d'une emigree (1865–1920)*. P.: Librairie Plon, 1925. P. 214–215.

²² Гибель Царской семьи: Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920) / Сост. Н. Росс. [Франкфурт на Майне]: Посев, [1987]. С. 131.

²³ Карамзин А. А. Из послужного списка штабс-ротмистра Александровского полка А. Карамзина. С. 229.

²⁴ Винберг Федор Викторович (1869–1927) — полковник Лейб-Гвардии Уланского Ее Императорского Величества Александры Феодоровны полка. Шталмейстер (нем. Stallmeister) — в России придворный чин 3-го класса, заведовавший царскими конюшнями.

²⁵ Винберг Ф. В. Автобиография. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=103269> (дата обращения: 17. 12. 2016).

²⁶ Дело об убийстве Императора Николая II, его семьи и лиц их окружения: В 2 т. М.: ООО ТД «Белый город», 2015. Т. 2. С. 222.

из многочисленных воспоминаний и публикаций, поэтому мы не будем подробно останавливаться на общеизвестных фактах. Отметим только, что генерал И. Л. Татищев во время заключения старался сохранять свое мирное устройство и часто подбадривал окружающих, когда они унывали. Показателен такой случай. Узников очень взволновали известия о прекращении военных действий с Германией и заключении с немцами сепаратного мира. Мир в Брест-Литовске вызвал политические дискуссии среди узников, споры возникали даже в присутствии Их Величеств. Доктор Боткин говорил: «Мы похожи на личную свиту Наполеона на острове св. Елены. Вместо того чтобы помогать Монархам переносить трудности и лишения ссылки, мы ухудшаем их положение нашими глупыми спорами»²⁷. Наблюдая все это, граф И. Л. Татищев старался примирить споривших и говорил: «Не надо мельчать, не надо мельчать»²⁸, — а затем, чтобы разрядить атмосферу, принимался рассказывать какую-нибудь историю из своей личной жизни. Его всякий раз слушали с благодарностью, однако не сдерживая улыбок, так как истории эти всякий раз им повторялись и давно уже были всем хорошо известны. И тем не менее, у всех, кто его слушал, нервный накал страстей потихоньку спадал и вновь воцарялся мир и порядок. И. Л. Татищев на деле исполнял заповедь Спасителя: *Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими*²⁹. Как это бывает у самых благородных людей, воспитанных в духе Христовом, в Илье Леонидовиче Татищеве сочетались рассудительность, твердость и в то же время нежность и чуткость души, сострадание к ближним и детская простота.

Князь В. А. Долгоруков отмечал, что граф И. Л. Татищев, несмотря на то что стареет, «постоянно сохраняет это русское добродушие»³⁰. При всех выпавших на его долю испытаниях граф Татищев не ожесточился сердцем, не утратил чистоты души и мирного расположения ко всем людям.

О достойном поведении графа Татищева в заключении писал впоследствии и генерал М. К. Дитерихс, который в 1919 году руководил расследованием убийства Царской семьи и затем издал книгу о последних днях Царственных узников и их верных слуг. По словам Дитерихса, «глубоко благородный и идеально честный Илья Леонидович, с христианской душой и кротким характером, стал вскоре общим любимцем в среде заключенных в Тобольске. С большим внутренним запасом духовных сил, он умел быть всегда спокойным, ровным, внося бодрость в окружающих и стараясь различными рассказами и воспоминаниями сокращать долгие досуги томительных дней заключения в Тобольске»³¹.

Татьяна Боткина, находившаяся в Тобольской ссылке, также писала о том, что «Татищев был человек христианской души и кротчайшего

²⁷ Gleb Botkin. The real Romanovs... P. 173.

²⁸ Мельник Т. Е. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. М.: Анкор, 1993. С. 81.

²⁹ Мф. 5, 9.

³⁰ Письмо князя В. А. Долгорукова графу П. К. Бенкендорфу из Тобольска от 20. 11. 17 // Архив Гуверского университета, США.

³¹ Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Издательский Совет РПЦ: ДАРЪ, 2006. С. 285.

характера, которого все за время пребывания в Тобольске искренне полюбили»³², он был «проникнут духом христианского милосердия»³³.

Безграничная, истинно христианская любовь Ильи Леонидовича к ближним трогала любое, даже самое черствое сердце. К графу Татищеву хорошо относился даже такой жестокий человек, как новый командир охраны Н. Родионов, который был назначен вместо прежнего начальника охраны, полковника Е. С. Кобылинского. Баронесса Софья Буксгевден отзывалась о Родионове как о человеке, который «не знал жалости... он словно получал удовольствие, мучая тех, кто был в его власти»³⁴, а полковник Е. С. Кобылинский сказал о нем, что — это «хам, грубый зверь»³⁵. Однако Пьер Жильяр рассказывает интересные подробности об отношениях между Н. Родионовым и И. Л. Татищевым: «Увидев Татищева, Родионов ему сказал: „Я Вас знаю. Я Вас видел в Берлине у нашего посла“. Татищев ему ответил: „Я совсем не помню Вас. А Вы в качестве кого там были?“ Родионов ему ответил: „А Вам это все равно“. Потом Родионов сказал Татищеву: „Я знаю, Вы — хороший человек. Вы никогда не имели презрения к людям. Я готов Вам помогать в теперешнем положении, как я могу“. Татищев ему ответил: „У меня есть одна просьба, и Вам я буду очень благодарен, если Вы ее исполните: чтобы меня не отделяли от Государя, чтобы мне позволили остаться с ним, что бы ни случилось“. На это Родионов ему сказал: „Я буду стараться, но я только член областного комитета и больше ничего. Я обещать не могу“»³⁶. Примечательно, что И. Л. Татищев имел полную возможность воспользоваться предложением Родионова для того, чтобы облегчить свое положение. Он мог бы испросить для себя какие-либо льготы, однако его единственным желанием было разделить до конца с Государем его испытания.

После этого разговора Н. Родионов стал предупредительным с графом Татищевым, оказывал ему знаки внимания: например, велел наклеить ярлычки на его чемоданы для выделения их из общей массы других вещей. Граф Илья Леонидович, шутя, называл Родионова «мой знакомый»³⁷. Именно через И. Л. Татищева заключенные стали обращаться к Родионову с различными просьбами. А однажды, когда при обыске матроса К. Г. Нагорного охрана нашла короткую записку от Цесаревича к сыну доктора В. Н. Деревенко и началось шумное разбирательство, именно генералу Татищеву с большим трудом удалось убедить Родионова не отдавать Климентия Григорьевича под трибунал.

³² Мельник Т. Е. Воспоминания о Царской семье... С. 65.

³³ Мельник Т. Е. Воспоминания о Царской семье... С. 88.

³⁴ Буксгевден София, баронесса. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны Императрицы всероссийской / Пер. с англ. Н. Б. Лебедевой. М.: Русский Хронограф, 2010. С. 509.

³⁵ Гибель Царской семьи. С. 306.

³⁶ Гибель Царской семьи. С. 456.

³⁷ Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. / Сост. Л. А. Лыкова. М.: Студия «Тритэ»: Российский архив РЦХИДНИ, 1998. Вып. 8.: Н. А. Соколов: Предварительное следствие 1919–1922 гг. С. 110.

В апреле из Москвы прибыл чрезвычайный комиссар ВЦИК В. В. Яковлев с целью увезти Царскую семью из Тобольска. Поскольку Наследник был в то время серьезно болен, В. В. Яковлев решил ехать лишь с Государем, разрешив ему взять тех, кого он пожелает. Вместе с Императором отправились Государыня, Великая Княжна Мария Николаевна, князь В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин и некоторые из верных слуг. Графу Татищеву Императрица сказала: «Я Вам поручаю детей». Александра Феодоровна доверяла И. Л. Татищеву самое дорогое, что у нее было, зная, что он с полной самоотверженностью будет заботиться о ее детях, вплоть до готовности отдать за них свою жизнь.

Оставшиеся в Тобольске узники думали, что Государя везут в Москву, где будет суд, после которого Императора депортируют в Англию. Полковник Е. С. Кобылинский утверждал, что не будет даже и суда, а сразу депортация. Он говорил: «Какой там суд, никакого суда не будет, а их прямо из Москвы повезут на Петроград, Финляндию, Швецию и Норвегию»³⁸. Однако 20 апреля / 3 мая, в Великую Пятницу, полковник Кобылинский получил телеграмму от комиссара Яковлева, в которой говорилось, что Их Величества были остановлены в Екатеринбурге. Эта телеграмма вызвала у арестованных шок, состояние уныния, полное самых мрачных предчувствий. Трезвость в этой ситуации сохранял И. Л. Татищев. Глеб Боткин писал: «Человек, который сохранял глубочайшее спокойствие, был генерал Татищев. „Я приехал сюда, зная, что мне не удастся спастись“, — говорил он с тихой улыбкой. „Все, что я прошу, это чтобы мне разрешили умереть с моим Императором“»³⁹. В этом спокойствии, с которым И. Л. Татищев смотрел в лицо смерти, выражалась его внутренняя готовность к мученической кончине: он знал, что его ждет, и готовился к тому, чтобы с мирным сердцем претерпеть все страдания и до конца пронести свой крест.

Генерал Татищев хорошо знал людей, разбирался в политике, отличался недюжинным умом, и он лучше других понимал все, что происходит в России и к чему это ведет. Он ясно видел, что приближается конец и для Государя, и для его семьи, и для всех, кто останутся верными им. И он ждал этого конца без страха, с верой и мужеством. О таком настроении графа Татищева сообщает и автор книги об Императоре Николае II, изданной в 1931 году, И. П. Якобий: «В частных письмах своих из Тобольска Татищев прямо и с геройской искренностью говорит о своей уверенности в неминуемой смерти своей и Царской семьи. В такой смерти он видит для себя счастье — разделить до конца участь своих обожаемых Монархов»⁴⁰.

Вскоре в Екатеринбург перевезли Августейших детей и пожелавших сопровождать их верных слуг, в том числе И. Л. Татищева. Примечателен факт, что одним из основателей Екатеринбурга был также представитель рода Татищевых — выдающийся деятель Петровской эпохи Василий

³⁸ Мельник Т. Е. Воспоминания о Царской семье... С. 91.

³⁹ Botkin Gleb. The real Romanovs... P. 192.

⁴⁰ Якобий И. П. Император Николай II и революция; Фомин С. В. «Боролись за власть генералы... и лишь Император молился». СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 335–336.

Никитич Татищев. И теперь именно в этом городе должен был окончить свой земной путь граф Илья Татищев...

10/23 мая 1918 года Царские дети вместе с верными слугами прибыли в Екатеринбург. Все, в том числе и граф Татищев, с нетерпением ждали встречи с Государем и Государыней. Величайшим желанием Ильи Леонидовича было умереть вместе с Государем. Однако этому не суждено было сбыться. В тот же день председатель Президиума Уральского областного совета А. Г. Белобородов подписал постановление об аресте «прибывшего с семьей б[ывшего] царя из Тобольска гражданина И. Л. Татищева»⁴¹, и Илья Леонидович был навсегда разлучен с Царской семьей. Царских детей отвезли в Ипатьевский дом, а местом заточения графа Татищева стал арестный дом⁴², находившийся в другой стороне города, рядом с Симеоновской церковью. И. Л. Татищев вместе с камердинером Волковым⁴³, одним из верных слуг Царской семьи, были помещены в камеру, где уже находились арестованные ранее первый премьер Временного правительства князь Г. Е. Львов и князь Голицын. Князь Львов оставил интересные воспоминания о жизни заключенных в тюрьме, в том числе и о Царских слугах. По его свидетельству, в тюрьме А. Волков и И. Татищев голодали. Им разрешили покупать продовольствие, но оба отказались: у А. Волкова не было денег, а у И. Татищева, хотя и были деньги, но это были деньги Царской семьи, которые он не мог тратить. Несмотря на самые ужасные условия жизни, граф Татищев не мог даже помыслить о том, чтобы использовать для себя деньги Государя. Его христианская совесть не допускала никаких оправданий для такого поступка. А. Волков и И. Татищев довольствовались казенным пайком, который «был ужасен: одна соленая селедка, небольшая кружка противной на вкус воды и иногда кусочек липкого хлеба»⁴⁴.

Интересные воспоминания оставил поручик И. Толстоухов, находившийся в той же тюрьме, что и граф Татищев: он рассказал, что граф старался подбадривать других заключенных, когда те унывали. Обстановка в тюрьме была тяжелой. Почти каждую ночь в какую-нибудь камеру заходил солдат с фонарем и вызывал арестованного. Арестованный в камеру больше не возвращался, и вскоре узникам стало ясно, что появление солдата с фонарем означает вызов на расстрел. Граф Татищев хорошо понимал, что и его ждет смерть, однако сохранял бодрый дух и, забывая о себе, старался поддержать и утешить тех, кто находился рядом. Илья Леонидович часто

⁴¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 49. Л. 134.

⁴² Ныне — здание Центральной Городской клинической больницы № 1.

⁴³ Волков Алексей Андреевич — камердинер императрицы Александры Федоровны, добровольно последовал за Романовыми в ссылку, сопровождал Царских детей при переводе их из Тобольска в Екатеринбург, где был отделен от них и заключен в тюрьму. При эвакуации из Екатеринбурга был переведен в пермскую тюрьму, откуда в ночь на 4 сентября 1918 г. во время конвоирования на расстрел бежал. Белогвардейским следователем Н. А. Соколовым допрашивался в качестве свидетеля по делу об убийстве Царской семьи. Позднее жил в эмиграции. Автор книги воспоминаний «Около Царской семьи» (Париж, 1928).

⁴⁴ Булыгин П. П. Убийство Романовых / Предисл. Т. Максимовой. М.: ACADEMIA: Рандеву-АМ, 2001. С. 25.

беседовал с арестованными офицерами и своими разговорами «поддерживал в них бодрость и веру в спасение России»⁴⁵. Генерал Дитерихс писал: «Несмотря на весь ужас окружавшей обстановки, на грязь, испытываемые лишения и нравственные муки перед неведомой личной судьбой, он остался верным своему Государю и своей присяге до конца»⁴⁶. Безусловно, мужественно переносить условия заключения помогала И. Л. Татищеву личная молитва и знание наизусть Евангелия. По этому поводу святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Какое счастье, какое богатство — стяжание Евангелия памятью! Нельзя предвидеть переворотов и бедствий, могущих случиться с нами в течение земной жизни. Евангелие, принадлежащее памяти, узнику сопутствует в темнице, с земледельцем говорит на ниве, увеселяет больного во время томительной бессонницы и тяжкого одиночества»⁴⁷. Так утешало Евангелие, выученное на память, и Илью Леонидовича. Кроме того, по воспоминаниям камердинера А. А. Волкова, арестованных «всякое воскресенье водили в церковь, где соборно служило заключенное духовенство. Служба благоговейная, торжественная...»⁴⁸.

28 мая / 10 июня стало последним днем земной жизни генерала Татищева. По воспоминаниям А. А. Волкова, в камеру пришли два надзирателя и велели графу Татищеву идти в контору. И. Л. Татищев побледнел, но спокойно простился с Волковым и ушел. В конторе его ждали вооруженные чекисты. Один из них, Г. П. Никулин, потом рассказывал, что приказание об убийстве графа Татищева и князя Долгорукова дал Н. Бобылев, исполнявший в то время обязанности председателя Уральской ЧК. Далее Никулин говорит: «Взяли мы извозчиков из ЧК, Валька Сахаров сел в повозку с Татищевым, я — с князем Долгоруковым. Взяли все их чемоданы и говорим: „Повезем вас в ссылку, на разъезде сядете в поезд“»⁴⁹. Чекисты вывезли графа и князя на окраину Екатеринбурга и расстреляли. Тела убитых были брошены в лесу возле Ивановского кладбища. Вскоре после убийства они были найдены. Князя Долгорукова опознали по расписке в получении от него 80 000 рублей, а графа Татищева — по английскому пальто. Останки были погребены сестрами Ново-Тихвинского монастыря, скорее всего на монастырском кладбище. Об этом известно со слов чекиста А. Кабанова, сообщившего, что «трупы монахини похоронили на кладбище»⁵⁰.

Убийство И. Л. Татищева вызвало удивление у многих людей, хорошо знавших его. Поручик И. Толстоухов вспоминал: «Столь зверское убийство было для нас всех заключенных совершенной загадкой, т. к. такой человек,

⁴⁵ Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. С. 285.

⁴⁶ Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. С. 285.

⁴⁷ Практическая энциклопедия: Основы правильной духовной жизни: по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова). С. 128.

⁴⁸ Волков А. А. Около Царской семьи. С. 87.

⁴⁹ Запись рассказа Г. П. Никулина из архива семьи Медведевых. Цит. по: Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб: БХВ Петербург, 2013. С. 37–38.

⁵⁰ Исповедь царевубийц. Убийство Царской семьи в материалах предварительного следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления / Авт.-сост. Ю. А. Жук. М.: ООО «Издательский дом „Вече“», 2008. С. 126.

как И. Л. Татищев, необыкновенно добрый, отзывчивый человек, казалось, даже таких озверевших людей, как большевики, не мог вызвать на убийство»⁵¹.

Ф. В. Винберг писал о И. Л. Татищеве следующее: «Этот Рюрикович дал пример всему русскому дворянству, как следует вести себя человеку, верному заветам чести не только на словах и в то время, когда все идет благополучно, но и в самых трудных условиях трагически обернувшейся обстановки жизни. Если бы у Русского Царя было больше таких дворян, как Татищев, то не только не смогла бы революция оказать такого губительного действия на нашу Родину, но самой революции не было бы...»⁵².

Граф Илья Леонидович Татищев был одним из лучших сынов Православной России. Глубоко верующий, воспитанный Евангелием, милосердный и честный, он был для всех, кто его знал, образцом истинного христианина. Заповеди Христа он исполнил до конца, вплоть до положения жизни *за друзей своих*⁵³. Верим, что его жизнь и мученическая кончина заслужили ему вечный венец.

Теперь хотелось бы немного рассказать и о другом верном Царском слуге — дядьке Цесаревича Алексея матросе 1-й статьи Климентии Григорьевиче Нагорном. Его имя, Климентий, в переводе с латинского значит «милостивый». И действительно, это качество было одной из главных добродетелей Климентия Нагорного: он имел сострадательное, милостивое сердце, полное любви, благодаря чему он смог достойно нести очень высокое и ответственное служение при больном Наследнике Российского Престола Цесаревиче Алексее.

Сведения о Климентии Нагорном были собраны в Центральном Государственном историческом архиве Украины (там хранится запись о его рождении и крещении), Российском Государственном историческом архиве, где сохранился его послужной список и различные документы о его служебной деятельности, Государственном архиве Российской Федерации, где имеются документы о периоде его заключения. О самоотверженном служении Нагорного, его исключительной любви и преданности рассказывается в воспоминаниях современников, в дневниках и письмах членов Царской семьи.

Родился Климентий Нагорный 25 января 1887 года в семье рядового Российской императорской армии Григория Ивановича Нагорного и его супруги Феодосии Никитичны, проживавших в селе Пустоваровка Сквирского уезда Киевской губернии. Воспитывался Климентий в православной вере и благочестии, с детства хорошо знал богослужение и любил храм: как сообщал позже он сам Императрице Александре Феодоровне, с детских лет он читал и пел во время богослужений в местном

⁵¹ Гибель Царской семьи. С. 77.

⁵² Винберг Ф. В. Крестный путь. Режим доступа: <http://www.iskupitel.info/node/147> (дата обращения: 17.12.2016).

⁵³ См. Ин. 15, 13.

храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Богослужение питало его душу, формировало в нем чуткую христианскую совесть, любовь к Богу и ближним, желание служить людям. Образование Климентий получил в сельской церковно-приходской школе.

Осенью 1908 года Климентий, которому тогда исполнился 21 год, был призван на действительную военную службу и определен в Морской Гвардейский экипаж.

Этот экипаж был сформирован при Императоре Александре I и предназначался для комплектования команд придворных яхт и гребных судов, а также для придворной и гарнизонной караульной службы. Отбор кандидатов для пополнения экипажа был очень строгим: Высочайший смотр новобранцев в Царском Селе проводили лично Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна. Высокий статный юноша Климентий Нагорный не только стал членом Гвардейского экипажа, но и был направлен для службы на личную яхту Августейшей семьи «Штандарт». По воспоминаниям капитана 2-го ранга Н. В. Саблина, для нее отбирали наилучших претендентов, то есть не только физически крепких и расторопных, но и наиболее добропорядочных, благонадежных, ответственных, «и таким образом, постепенно подобрали очень хорошую команду»⁵⁴.

До начала Первой мировой войны семья Императора Николая II регулярно совершала на «Штандарте» продолжительные плавания по Балтийскому и Черному морям, а также за границу. Во время плаваний общение команды с членами Царской семьи было очень близким: все могли видеть их лично в самой простой обстановке. Особенно тесно приходилось общаться некоторым членам команды с Царскими детьми, в том числе — с Великими Князьями. Как только они прибывали на корабль, к ним сразу же приставлялись специальные матросы — так называемые «дядьки», в обязанность которых входило постоянное сопровождение Княжон на яхте и на берегу и присмотр за ними. Как писал Н. В. Саблин, «дядьки рассказывали им разные „морские небылицы“ про свою деревню, семью, про свои плавания, и, конечно, мы старались выбрать самых лучших и славных русских матросов. Одного из них, Нагорного, потом приняли на службу к наследнику»⁵⁵. Избрание Климента Нагорного из числа 350 матросов экипажа на должность, предполагавшую повседневное близкое общение с Царскими детьми, несомненно, свидетельствовало о его высоких душевных и нравственных качествах: ответственности, доброте, отзывчивости, самоотверженности, порядочности и т. п.

Императрица Александра Феодоровна с величайшим вниманием относилась ко всему, что касалось ее детей. Она видела искреннюю заботу матроса Нагорного о своих дочерях, его жизнерадостность, благочестие, бескорыстие, простоту. Зная о том, что в 1913 году оканчивается срок его

⁵⁴ Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб.: Петроний, 2008. С. 84.

⁵⁵ Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 54.

службы, и не желая расставаться с таким верным слугой, она распорядилась о назначении его лакеем «к комнатам Их Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств»⁵⁶, то есть Царских дочерей. В начале октября, окончив срок воинской службы, Климентий Григорьевич покинул «Штандарт» и теперь должен был постоянно находиться при Царских детях. Первоначально в его обязанности входила служба «у стола их Высочеств»⁵⁷, то есть во время Высочайших трапез он должен был принимать блюда от официантов и подавать их Великим Княжнам⁵⁸. Однако очень скоро, уже 2 декабря того же года, он получил назначение на должность помощника дядьки Цесаревича «с сохранением обмундирования матроса»⁵⁹ и «без наименования лакеем»⁶⁰.

Несомненно, такое назначение было для Климентия Нагорного большой честью, свидетельствовало о расположении и полном доверии к нему со стороны монархов. Однако вместе с тем отныне на него ложилась и большая ответственность за судьбу и здоровье тяжелобольного Наследника Российского престола, ведь от малейшего недосмотра ребенок мог получить травму, которая могла стать смертельной. Требовалась полная самоотдача, преданность, жертвенность — эти добродетели и отличали матроса Нагорного. Около четырех с половиной лет, до самой своей кончины, он находился в ближайшем общении с Цесаревичем. Как писал И. П. Якобий, Нагорный «ходил за Наследником с раннего детства, ласкал и утешал Его в Его детских горестях, страдал за Него и за Его несчастных Родителей во время Его болезней, был беспомощным свидетелем отчаянной борьбы за спасение этой жизни, которая могла ежеминутно угаснуть, как слабый огонек. Для этого простого и преданного матроса Алексей Николаевич был, конечно, Наследник Престола, будущий Царь, Помазанник Божий, но также и бедный, больной ребенок, слабый и хрупкий, нуждающийся в защите и помощи»⁶¹.

Своим самоотверженным служением, безграничной преданностью Климентий Нагорный заслужил любовь всей Царской семьи. В письмах и дневниках членов Царской фамилии постоянно встречаются хоть и краткие, но полные уважения и симпатии упоминания о Климентии Григорьевиче. «Кланяюсь Вл[адимиру] Николаевичу, м[есье] Жильяру, Деревенко и Нагорному»⁶², — писала Императрица Александра Феодоровна сыну. Великие Княжны Татьяна и Анастасия писали брату: «Очень-очень поцелуй Папа, поклонись Деревеньке, Нагорному...»⁶³, «Кланяюсь Коле, Деревеньке,

⁵⁶ Дело Канцелярии Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны и Управления делами Августейших Детей Их Императорских Величеств. Нагорный Климентий, лакей 2-го разряда // РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (216/2714). Д. 226. Л. 5.

⁵⁷ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (216/2714). Д. 226. Л. 16.

⁵⁸ См.: Зимин И. В., Соколов А. Р., Лазерсон И. И. Императорская кухня. XIX - начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. - М.: Издательство Центрполиграф, 2014. С. 300–301.

⁵⁹ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (216/2714). Д. 226. Л. 13.

⁶⁰ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (216/2714). Д. 226. Л. 14.

⁶¹ Якобий И. П. Император Николай II и революция. С. 323.

⁶² Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М.: Вагриус, 1998. С. 61.

⁶³ Цит. по: Цесаревич. М.: Вагриус, 1998. С. 75.

М. Gilliard и Нагорному»⁶⁴. В дневнике Цесаревича также не раз упоминается имя Нагорного: «11 июля... Катались и купался с Нагорным»⁶⁵, «21 июля... Днем играл в саду с Папа... Макаровым и Нагорным в войну»⁶⁶.

Климентий Григорьевич отдавал все свои силы, время, здоровье — всего себя — на служение Царской семье, отчего так и не создал своей собственной.

С началом Первой мировой войны Государь вместе с Наследником не раз выезжал в Ставку Верховного главнокомандующего. При этом, как отмечал Британский военный атташе генерал сэра Джон Хенбери-Уильямс, «всегда был рядом дядька Цесаревича, здоровенный матрос Нагорный, которого мальчик обожал, — огромный, веселый, обожающий слуга своего маленького господина»⁶⁷.

Во время одной из таких поездок, в декабре 1915 года, Цесаревич простудился, у него открылось сильное кровотечение из носа. Предпринятые профессором С. П. Феодоровым меры для остановки кровотечения не помогли, поэтому было принято решение о срочном возвращении в Ставку, а оттуда — в Царское Село. По дороге состояние Цесаревича ухудшилось, поднялась температура, от потери крови он слабел и дважды пребывал в состоянии обморока. На протяжении всей ночи Климентий Григорьевич, не шевелясь, поддерживал его голову на должной высоте, подложив под нее вытянутую руку (нельзя было оставлять больного в совершенно лежачем положении). И только когда к утру кровотечение уменьшилось, верный слуга смог расслабиться и отдохнуть после бессонной ночи. Этот случай был только одним из тех бесчисленных случаев, когда верный дядька Цесаревича жертвовал ради него своим покоем и отдыхом. И это, несомненно, свидетельствует о том, что матрос Климентий Нагорный не на словах только, а самым делом исполнял заповедь апостола: *Во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков*⁶⁸. Он служил Цесаревичу искренне, от всей души, постоянно проявляя большое самопожертвование и терпение. Согласно его послужному списку, 23 августа 1916 года в награду за беспорочную службу ему была пожалована серебряная медаль «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте.

Примечательно, что Климентий Григорьевич был вместе с Цесаревичем не только во время его игр, не только в часы страданий, но и в церкви за богослужением. Так, Императрица Александра Феодоровна описывала Пасхальное богослужение 1916 года в Царском Селе: «Прошлой ночью дети все пятеро участвовали в крестном ходе вокруг церкви... У Бэби были прелестные розовые щечки, так как он спал перед этим. Он вернулся

⁶⁴ Августейшие сестры милосердия / Сост. Н. К. Зверева. М.: Вече, 2008. С. 141.

⁶⁵ Цит. по: Цесаревич. М.: Вагриус, 1998. С. 142.

⁶⁶ Цит. по: Цесаревич. М.: Вагриус, 1998. С. 144.

⁶⁷ Государь на фронте. Воспоминания. М.: Русский Хронограф, 2012. С. 203.

⁶⁸ Кол. 3, 22.

домой после заутрени и разговлялся с Деревенько и Нагорным, а мы... после обедни»⁶⁹. Вообще, нужно отметить, что, пребывая вместе с Царской семьей, К. Г. Нагорный находился в привычной для него с детства атмосфере любви к церкви и русским православным обычаям. Он вместе с Государем и его семьей посещал храм, участвовал в Таинствах. В этой благочестивой атмосфере он сохранил свою веру чистой и крепкой. И служение больному Цесаревичу, конечно, часто побуждало Климентия просить Бога о помощи, особенно когда Наследнику угрожала опасность умереть от приступа гемофилии.

К. Г. Нагорный остался верным Государю, Наследнику и всей Царской семье и после страшных событий 1917 года. После февральской революции и заключения членов Царской семьи под арест в Александровском дворце всем придворным и слугам, находившимся в тот момент во дворце, было предложено покинуть его, если они не хотят остаться в заключении. Матрос Нагорный предпочел оказаться под арестом, чем разлучиться с Царем и его семьей. Он настолько сроднился с ними, что не мог и помыслить об уходе. Он остался во дворце и продолжал столь же преданно исполнять свои обязанности. Его верность много значила для семьи, ведь, как известно, одними из первых оставили дворец именно охранявшие его моряки Гвардейского экипажа, в том числе те, кто нес службу на «Штандарте». Как вспоминала баронесса С. Буксгевден, «количество защитников Александровского дворца постепенно сокращалось. Утром 15 марта военные моряки из охраны дворца были отозваны в Петроград... Императрице было мучительно видеть, как знамена, столь привычные для дворца, покидали его стены. Александра Феодоровна всегда симпатизировала военным морякам; что же касается команды «Штандарта», то она была особенно избалована вниманием Императорской семьи. И тут случилось так, что именно моряки первыми покинули дворец»⁷⁰.

Матрос Нагорный понимал, что, оставаясь при Царской семье, он тем самым навлекает на себя ненависть бывших сослуживцев по службе. Как вспоминала комнатная девушка Императрицы Е. Эрсберг, «когда экипаж уходил, многие матросы, считавшиеся преданными семье, те самые матросы, которые находились при „Штандарте“ и „Полярной Звезде“, грозили оставшемуся при семье Нагорному»⁷¹. Однако никакие угрозы не могли поколебать решимости Климентия Григорьевича оставаться с Царской семьей.

За верность монархам Климентия Нагорного возненавидели не только матросы, но и многие стрелки из новой охраны дворца-тюрьмы. Так, с наступлением теплых весенних дней Императрица, не имея по болезни сил ходить пешком, стала выезжать на прогулку в кресле. Солдаты, как писала

⁶⁹ Переписка Николая и Александры Романовых (1916–1917) / С предисл. М. Н. Покровского: В 5 т. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 4. С. 212.

⁷⁰ Буксгевден София, баронесса. Венценосная мученица. С. 408–409.

⁷¹ Российский Архив. С. 137.

баронесса С. К. Буксгевден, «непрерывно оскорбляли слугу, который вез кресло, а однажды, когда на место этого слуги встал матрос Нагорный, ярость солдат по поводу его службы “жене тирана” достигла таких размеров, что Нагорный получил впоследствии письма от своих сослуживцев, в которых они обрекали его на смерть»⁷². Однако, несмотря на угрозы и поношения, Климентий Григорьевич до конца сохранил твердость воли и мужество в служении Царю и его семье, в то время находившейся в крайнем унижении. Капитан 2-го ранга Г. К. Граф писал: «Мне передавали, что, когда Нагорному предлагали покинуть Царскую семью, удивляясь тому, как он, матрос, продолжает еще служить ей, Нагорный дал... полный достоинства ответ: „Своего Цесаревича я никогда не покину!“»⁷³. Его любовь к Цесаревичу была гораздо глубже простой привязанности: за много лет служения, общих печалей и радостей, общей молитвы он духом сроднился с ним крепче, чем с родными по плоти.

Разделяя заключение Царской семьи в Александровском дворце, Климентий Григорьевич, помимо исполнения своих прямых обязанностей, разделял и досуг Государя и его родных. Они вместе работали на уборке льда, спиливали в саду сухие деревья, кололи дрова. Государь отмечал это в дневнике: «Днем начали ломать лед по-старому у моста с ручейком; работали Татьяна, Валя и Нагорный»⁷⁴. Когда сошел снег, Климентий вместе с Царской семьей и оставшимися при ней верными слугами принимал самое деятельное участие в обустройстве огорода перед Александровским дворцом.

В тех условиях большим утешением для Царской семьи, а также ее верных слуг были церковные богослужения, молитва. Сохранился дневник протоиерея Афанасия Беляева, служившего в церкви Александровского дворца весной-летом 1917 года. Отец Афанасий писал:

«27 марта... Служил Литургию, читал за каждым часом Евангелие от Иоанна... За Литургией были и усердно молились: б[ывший] И[мператор] Николай Александрович, Александра Феодоровна, Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна и все живущие приближенные к ним лица... много было и служащих говеющих...

29 марта... Литургия совершена в присутствии тех же лиц. <...> Исповедь для служащих назначена в 2 часа дня»⁷⁵.

Из этих небольших записей видно, что и придворные, и слуги, остававшиеся верными Царской семье, также молились во время богослужений в дворцовом храме. Можно сказать, вся атмосфера жизни в Александровском дворце в тот период была проникнута истинно религиозным настроением, именно вера была тем, что объединяло и поддерживало всех его узников, в том числе и Климения Григорьевича

⁷² Буксгевден София, баронесса. Венценосная мученица. С. 458.

⁷³ Граф Г. К. На «Новике» (Балтийский флот в войну и революцию). Мюнхен: тип. Р. Ольденбург, 1922. С. 374.

⁷⁴ Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 т. / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталева. М.: Вагриус. 2008. Т. 1. С. 445.

⁷⁵ Дневник протоиерея Н. Беляева о службе его при Дворе (найденный в Феодоровском соборе), 1917 г. // Вече. Мюнхен. 1989. № 36. С. 160, 162.

Нагорного.

1 августа 1917 года состоялся отъезд Царской семьи в Тобольск: среди немногих слуг добровольно последовал за ней и матрос К. Г. Нагорный. Поскольку дядька Цесаревича А. Е. Деревенко фактически изменил Августейшим узникам (после революции он стал грубо вести себя с Алексеем Николаевичем, а кроме того, забрал для своих сыновей многие его вещи), Климентий Григорьевич официально занял его место.

В Тобольске он жил вместе с Цесаревичем в губернаторском доме. «Нагорный спит со мною»⁷⁶, — писал Алексей. Так, верный слуга нес круглосуточное служение при Царском сыне, с полным забвением себя. Нагорный давно стал одним из самых близких людей для Цесаревича. В тобольской ссылке он скрашивал своими играми с Алексеем его досуг. «Утром играл в шашки с Нагорным»⁷⁷, — писал Цесаревич в своем дневнике 4 января 1918 года. Другой Царский слуга, лакей С. Иванов, так описывал общение Цесаревича с его дядькой: «[Алексей Николаевич] любил шутки, игры. С Нагорным они всегда, бывало, спорят из-за всего, но только не зло, а по-хорошему»⁷⁸.

Вместе с Государем, Государыней, детьми, свитой и слугами Климентий Григорьевич и в Тобольске участвовал в богослужениях. В храм позволялось ходить редко: обычно священник приходил совершать всенощные бдения и обедни на дом. Пели сначала монахини из местного женского монастыря, затем хор мирян одной из церквей, а впоследствии Александра Феодоровна приняла решение создать свой хор, в который включили и Климентия, единственного из всех членов свиты и слуг. В феврале 1918 года Императрица писала: «Теперь будем тоже во время службы петь (не знаю, как выйдет). Дети, Нагорный (который тоже будет чтецом — мальчиком читал в церкви), я и регент»⁷⁹. Об этом же есть отметка в ее дневнике, сделанная ею днем раньше: «Воскресенье. Неделя о Блудном сыне... Занималась пением с девочками и Нагорным»⁸⁰. На первой неделе Великого поста богослужение совершалось на дому дважды в день. Известно, что члены Царской семьи не мыслили себя без церкви и службы, — и верного их слугу Климентия Нагорного отличала та же любовь к храму.

После того как 13/26 апреля Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна с некоторыми слугами были отправлены в Екатеринбург, Климентий Григорьевич остался рядом с Царским сыном в Тобольске. В конце марта у Цесаревича произошел сильный приступ гемофилии, состояние было тяжелое, больной был прикован к постели и не мог передвигаться. Поправлялся он медленно и требовал большого внимания и заботы от всех оставшихся членов семьи и прислуги. Климентий

⁷⁶ Письма Царской семьи из заточения / Под научн. редакцией О. Г. Гончаренко. М.: Вече, 2013. С. 124.

⁷⁷ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998. С. 589.

⁷⁸ Протокол допроса С. И. Иванова от 18 июля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубликован в книге: Гибель Царской семьи. С. 407.

⁷⁹ Письма Царской семьи из заточения. С. 147.

⁸⁰ Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 т. / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталева. М.: Вагриус. 2008. Т. 2. С. 300.

Григорьевич, живший с ним в одной комнате, особенно терзался сердцем, видя его муки, и всякий миг думал только о том, как облегчить его страдания. Только 17 апреля / 1 мая Цесаревич смог подняться и, как записал в дневнике П. Жильяр, «Нагорный перенес его до колесного кресла; его катали на солнце»⁸¹.

В мае 1918 года в губернаторском доме в Тобольске сменилась охрана. Теперь охранять узников было поручено отряду екатеринбургских красногвардейцев под командованием комиссара Н. Родионова. У Климентия Григорьевича сразу же начались с ним трения. Со времени революции Нагорный постоянно должен был терпеть проявления вражды и ненависти со стороны революционеров, которые считали его предателем классовых интересов. Так произошло и теперь. Родионов и его товарищи ненавидели Нагорного. Полковник Е. С. Кобылинский впоследствии рассказывал: «Когда этот Родионов появился у нас, он производил обыск у Нагорного, когда тот пришел из города. Он нашел у него письмо от сына доктора Деревенко к Алексею Николаевичу и сказал об этом Хохрякову: „Вот тип! Говорит, что у него ничего нет, а у самого письмо!“ <...> Хохряков [который тоже был матросом] обрадовался: „А! Давно я точу зуб на эту сволочь! Осрамил нас!“»⁸². Матрос Хохряков, «краса и гордость русской революции»⁸³, ненавидел матроса Нагорного за его верность Царской семье. Климентий Григорьевич переносил это с христианским мужеством. Его дух укрепляли искренняя любовь к Государю и его семье и вера в Бога. Он старался не обращать внимания на дурное обращение с ним самим, молча терпел поношения и не мог сдержаться только в тех случаях, когда каким-либо образом оскорбляли Цесаревича. Как писал И. П. Якобий, «Нагорный выносил с невозмутимым спокойствием издевательства тюремщиков, пока дело не касалось Наследника, но тут его охватывал страшный гнев. Доходило и до бурных схваток»⁸⁴.

7/20 мая 1918 года остававшиеся в Тобольске Царские дети, свита и прислуга были отправлены в Екатеринбург. Климентий неотлучно сопровождал больного Цесаревича в этом последнем в их жизни путешествии. Он переносил больного на руках и оказывал ему всю необходимую помощь.

На пароходе «Русь», на котором плыли до Тюмени, Климентий вновь вступил в конфликт с комиссаром Н. Родионовым. Баронесса С. Буксгевден так описывала эту поездку: «Дни стояли солнечные, и Цесаревича часто вывозили на палубу в специальном кресле. По ночам Родионов запирали мальчика в каюте — к большому неудовольствию Нагорного, который постоянно конфликтовал по этому поводу с Родионовым»⁸⁵. При этом Климентий Григорьевич ясно понимал, что ожидает за это его самого, и как-

⁸¹ Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.) / Предисл. С. Д. Сазонова. М.: Малое предприятие НПО «МАДА», 1991. С. 245.

⁸² Гибель Царской семьи. С. 306–307.

⁸³ Гибель Царской семьи. С. 306–307.

⁸⁴ Якобий И. П. Император Николай II и революция. С. 323.

⁸⁵ Буксгевден София, баронесса. Венценосная мученица. С. 511.

то сказал об этом няне А. Теглевой: «Меня они, наверное, убьют. Вы посмотрите, рожи-то, рожи-то у них какие! <...> Ну, пусть убивают, а все-таки я им, хоть одному-двоим, а наколочу морды сам!»⁸⁶. По словам А. Теглевой, «Нагорный вообще держал себя смело с Родионовым и свою будущую судьбу он предсказал себе сам»⁸⁷. Как видно из этих воспоминаний, Нагорный, как истинный христианин, не боялся смерти.

Из Тюмени до Екатеринбурга Царские дети с верными слугами ехали поездом. Когда поезд прибыл в Екатеринбург, Климентий перенес Цесаревича из вагона в пролетку на руках, так как больной не мог еще свободно передвигаться. Комиссар, конвоировавший узников, грубо приказал Великим Княжнам самим нести свои вещи. Кроме тяжелых сумок у Княжон были на поводках три собаки. Видя, с каким трудом под дождем, увязая в грязи, несет свой чемодан Татьяна Николаевна, Климентий взялся ей помочь. Но не успел он подхватить чемодан, как красноармейцы тотчас оттолкнули его.

Узники прибыли в Ипатьевский дом. Там от всех прибывших слуг и приближенных потребовали расписку о добровольном подчинении режиму заключения Царской семьи. Дал такую расписку и Нагорный: «Я, нижеподписавшийся гражданин Нагорный Климентий Григорьевич... даю настоящую расписку в том, что, желая продолжать служить при бывшем царе Николае Романове, обязуюсь подчиняться и выполнять все распоряжения Уральского областного Совета, исходящие от коменданта дома, считая себя на равном состоянии, как и остальная семья Романовых. К. Нагорный»⁸⁸.

Только несколько дней довелось провести Климентию Григорьевичу рядом с Цесаревичем в новом месте заключения. В эти последние дни он оставался все тем же заботливым слугой, отважным телохранителем и верным христианином. Как пишет Мария Федоровна Старк, дочь капитана 1-го ранга Ф. О. Старка: «Нагорный — простой матрос, был до последней минуты своей жизни верный в своей любви к Царской семье. Ничто его не поколебало: и в Екатеринбурге он был все таким же, так же презрительно, резко отвечал красноармейцам и советским комиссарам, и не раз его простые слова заставляли замолкать советчиков. Они чувствовали, что этот матрос как-то выше, чем-то сильнее их, и они боялись и ненавидели его»⁸⁹.

Впоследствии, уже в тюрьме, сам К. Нагорный рассказывал князю Г. Е. Львову, как, беспокоясь о больном Наследнике, он требовал оставить у Алексея не одну, а две пары сапог, чтобы тот имел возможность сменить обувь, если она намокнет⁹⁰. Поскольку после приезда состояние здоровья Алексея Николаевича резко ухудшилось, Климентий, преодолевая

⁸⁶ Российский Архив. С. 129.

⁸⁷ Соколов Н. Убийство Царской семьи. Берлин: Слово, 1925. С. 113.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 38. Л. 64.

⁸⁹ Старк М. Вечная память. Документальный очерк // Возрождение. 1957. № 67. Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-monah-lazar-afanasev/74106-torzhestvuyuschiy-duh-monah-lazar-afanasev/read/page-25.html> (дата посещения 22.12.2016)

⁹⁰ См.: Российский Архив. С. 112.

собственную усталость, прислуживал лежачему больному днем, дежурил рядом с ним и ночью. Нагорный исполнял все, что требовалось для Цесаревича. По свидетельству охранников Ипатьевского дома, Климентий сам выносил резиновую подушку, заменявшую для Цесаревича судно⁹¹. О самоотверженности Нагорного писал доктор Е. С. Боткин: «...Алексей Николаевич... день и ночь... так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его... не в силах долго выдержать ухода за ним... Состоявший при нем Клим Григорьевич Нагорный после нескольких бессонных и полных мучений ночей сбивается с ног и не в состоянии был бы выдержать вовсе, если б на смену и помощь ему не являлись преподаватели Алексея Николаевича... Г[осподин] Жильяр... проводит около него во время болезни иногда и целые ночи, отпуская измученного Нагорного выспаться»⁹².

Об этой самоотверженности есть свидетельство и в дневниковых записях Императрицы, сделанных ею 14/27 мая: «У Бэби снова была нехорошая ночь. Е. С. Боткин дежурил часть ночи, чтобы дать Нагорному выспаться»⁹³. Эта ночь, проведенная Климентием у кровати больного, ночь, в которую он, как и прежде, самоотверженно исполнял заповедь Христову: *Я был болен, и вы посетили Меня*⁹⁴, была его последней ночью рядом с Царской семьей. Днем 27 мая К. Г. Нагорный и другой лакей, И. Д. Седнев, были арестованы и заключены в арестный дом на Ночлежной площади. Поводом к этому послужило то, что они не позволили коменданту дома забрать золотую цепочку с крестиками и образками, висевшую над кроватью Цесаревича.

Государь и Государыня очень беспокоились о своих слугах и ждали их возвращения. Так, 31 мая/13 июня Императрица писала в дневнике: «...[Авдеев] пообещал нам Седнева и Нагорного на воскресенье»⁹⁵, «25 июня/8 июля... Бэби кушает хорошо, и его стало трудно носить на руках; безжалостные, они не хотят возвращать нам Нагорного»⁹⁶. Император также записал в своем дневнике: «3/16 июня... Все поджидаем Седнева и Нагорного, которых нам обещали впустить сегодня»⁹⁷.

Находившийся вместе с Нагорным и Седневым в заключении князь Г. Львов позднее говорил: «Лично от них у меня осталось такое впечатление. <...> Седнев и Нагорный — прекрасные ребята, неглупые, отдающие себе отчет во многом, здоровые и телом и духом; были весьма преданы семье»⁹⁸.

15/28 июня 1918 года К. Г. Нагорный и И. Д. Седнев с группой заключенных были убиты на окраине Екатеринбурга в отместку за гибель красного комиссара И. М. Малышева. Последнее в своей жизни испытание Климентий Григорьевич переносил с мужеством мученика: «Идя к месту

⁹¹ Гибель Царской семьи. С. 274.

⁹² Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 2. С. 444.

⁹³ Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 2. С. 449.

⁹⁴ Мф. 25, 36.

⁹⁵ Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 2. С. 471.

⁹⁶ Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 2. С. 512.

⁹⁷ Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 2. С. 477.

⁹⁸ Российский Архив. С. 211.

казни, он ободрял других „смертников“»⁹⁹. Об этом стало известно из рассказа одного из приговоренных к расстрелу, которому удалось бежать. Это свидетельство говорит о том, что верный слуга до конца сохранял бодрость духа и встретил смерть так, как подобает истинному христианину. В то время ему был всего 31 год. Вся его жизнь, терпеливое несение креста и мученическая смерть свидетельствуют о глубокой и крепкой вере. Только упование на Бога могло дать Климентию Нагорному силы перенести те скорби, которые выпали на его долю.

После того как в июле Екатеринбург был занят частями 3-го Чехословацкого стрелкового полка и оренбургских казаков под общим командованием полковника С. Н. Войцеховского, тела убиенных были обнаружены за станцией «Екатеринбург-2», в месте, где сваливали городской мусор. 18/31 июля все павшие от рук большевиков были отпеты преосвященным Григорием, епископом Екатеринбургским и Ирбитским. По свидетельству современников, «особое внимание привлекали два гроба. Они были усыпаны цветами более, чем другие»¹⁰⁰: это были гробы верных слуг Царской семьи. После отпевания останки были погребены частью на кладбище Ново-Тихвинского женского монастыря, а частью — на Ивановском кладбище Екатеринбурга. К сожалению, в настоящее время точно не известно, на каком именно из этих кладбищ покоится К. Г. Нагорный.

Вся жизнь К. Г. Нагорного была подвигом любви, веры и верности. С тех пор как он поступил на службу к Царской семье, он уже больше никогда не жил для себя, не думал о том, чтобы создать семью. Все свои силы и любовь он отдал больному Цесаревичу. С ним и со всей Царской семьей он готов был разделить все до конца и перенес все выпавшие ему скорби по-христиански, с верой и мужеством. И в смерти он остался истинным христианином, в последние минуты жизни оказывая милость ближним. Подвиг К. Г. Нагорного начали почитать еще его современники. В частности, поэт С. С. Бехтеев посвятил ему стихотворение «Жизнь за Царя», в котором есть такие строки:

«Когда матросы с бандой серой,
Казня страдальцев без вины,
Глумились в бешенстве над верой
Седой священной старины, —
Тогда на вольные страданья,
С ничтожной горстью верных слуг,
С своим Царем пошел в изгнанье
Ты — верный раб и честный друг.

⁹⁹ Граф Г. К. На «Новике». С. 374.

¹⁰⁰ Граф Г. К. На «Новике». С. 375.

И скорбь, и жребий — зло суровый
Ты с Ним в дни горя разделил
И за Него, томясь, оковы
В предсмертный час благословил.
И, пульей в грудь навывлет ранен,
Ты умер верностью горя,
Как умер преданный Сусанин
За Православного Царя...
Пройдет свободы хмель позорный,
Забудет Русь кровавый бой...
Но будет жить матрос Нагорный
В преданьях родины святой».

Граф Илья Татищев и матрос Климентий Нагорный были во многом разными людьми, но дух у них был один — дух любви к Богу и ближним, глубокой веры, евангельского милосердия и упования на Господа. И, почитая сегодня святых Царственных страстотерпцев, будем помнить и об их верных слугах, живших по-христиански и до конца исполнивших заповедь Спасителя: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*¹⁰¹. Сейчас их имена поминаются только на панихидах, но будем надеяться, что придет время, когда мы будем молиться им, прося их помощи в христианском подвиге.

Источники и литература Архивные материалы

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 38; Ф.740. Оп. 1. Д. 6.

Воспоминания Николая Петровича Олферьева. РГБ. Ф. 509. Картон № 1. Ед. хр. 3–8.

Письма князя В. А. Долгорукова 1917–1918 гг. // Архив Гуверского университета (США).

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 172869.

РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (216–2714). Д. 226.

РГИА. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 103.

РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 13.

Справочники. Сборники документов.

¹⁰¹ Ин. 15, 13.

Исследования. Воспоминания

Gleb Botkin. The real Romanovs as revealed by the late Czar's physician and his son. – N. Y., 1931. – 336 p.

Calitzine Vera, princesse. Reminiscences d'une emigree (1865–1920). – P.: Librairie Pion, 1925. – 240 p.

Августейшие сестры милосердия / Сост. Н. К. Зверева. – М.: Вече, 2008. – 464 с. (Царский дом).

Анисимов А., протоиер. Епископ Гермоген Тобольский в Екатеринбургском заключении // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 1–2.

Буксгевден София, баронесса. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны Императрицы всероссийской / Пер. с англ. Н. Б. Лебедевой. – М.: Русский Хронограф, 2010. – 528 с.

Булыгин П. П. Убийство Романовых / Предисл. Т. Максимовой. – М.: АCADEMIA: Рандеву-АМ, 2001. – 288 с.

Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918; Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг.; Отто Бисмарк. Вильгельм II: Воспоминания и мысли / Гос. публ. ист. б-ка России. – М., 2007. – 640 с.

Винберг Ф. В. Автобиография. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=103269> (дата обращения: 17. 12. 2016).

Винберг Ф. В. Крестный путь. Режим доступа: <http://www.iskupitel.info/node/147> (дата обращения: 17. 12. 2016).

Волков А. А. Около Царской семьи. – Париж, 1928. – 96 с.

Гибель Царской семьи: Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920) / Сост. Н. Росс. – [Франкфурт на Майне]: Посев, [1987]. – 644 с.

Государь на фронте. Воспоминания; Сэр Джон Хэнбери-Уильямс. Император Николай II, каким я его знал; П. К. Кондзеровский. В ставке Верховного: Сборник / Сост.: С. Лизунов. – М.: Русский Хронограф, 2012. – 272 с.

Граф Г. К. На «Новике» (Балтийский флот в войну и революцию). – Мюнхен: тип. Р. Ольденбург, 1922. – 480 с.

Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения: В 2 т. – М.: ООО ТД «Белый город», 2015. Т. 2. – 432 с. (Русские судебные процессы).

Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. – М.: Издательский Совет РПЦ: ДАРЪ, 2006. – 712 с.

Дневник протоиерея Н. Беляева о службе его при Дворе (найденный в Феодоровском соборе), 1917 г. // Вече. Мюнхен. 1989. № 36. С. 155–173. № 37. С. 165–182.

Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. – 737 с.

Дневники Николая II и Императрицы Александры Федоровны: в 2 т. / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталева. – М.: Вагриус, 2008. – Т. 1: 1 января – 31

июля 1917. – 624 с.: ил.

Дневники Николая II и Императрицы Александры Феодоровны: в 2 т. / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталева. – М.: Вагриус, 2008. – Т. 2: 1 августа 1917 – 16 июля 1918. – 624 с.: ил.

Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.) / Предисл. С. Д. Сазонова. – М.: Малое предприятие НПО «МАДА», 1991. – 288 с.

Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. – СПб.: БХВ-Петербург, 2013. – 624 с.: ил. (Окно в историю).

Зимин И. В., Соколов А. Р., Лазерсон И. И. Императорская кухня. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М.: Издательство Центрполиграф, 2014. – 350 с.

Исповедь цареубийц. Убийство Царской семьи в материалах предварительного следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления / Авт.-сост. Ю. А. Жук. – М.: ООО «Издательский дом „Вече“», 2008. – 512 с. (Гибель династии).

Карамзин А. А. Из послужного списка штабс-ротмистра Александровского полка А. Карамзина // Альманах Дворянского собрания. 1998. № 9.

Кирилл Владимирович, вел. кн. Император. Моя жизнь на службе России. – СПб.: Лики России, 1996. – 334 с.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь / Перев. Житомирской С. – М.: Прогресс, 1998. – 656 с.

Мельник Т. Е. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. – М.: Анкор, 1993. – 207 с.

Мордвинов А. А. Из пережитого: воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II: в 2 т. Т. 1. / Вступ. ст., коммент. О. И. Барковец. – М.: Кучково поле, 2014. – 576 с. (Живая история)

Мосолов А. А. При дворе последнего Императора. — СПб.: Наука, 1992. – 264 с.

Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова: дневники и воспоминания. — М.: Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ г. Москвы, 2013. — 704 с.: ил.

Переписка Николая и Александры Романовых (1916): В 5 т. / С предисл. М. Н. Покровского. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 4. – 440 с.

Переписка Николая и Александры Романовых (1916–1917): в 5 т. / С предисл. М. Н. Покровского. – М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. 5. – 305 с.

Письма императрицы Александры Феодоровны к императору Николаю II: В 2 т. – Берлин: Слово, 1922. Т. 1. – 644 с.

Письма Царской семьи из заточения / Под научн. редакцией О. Г. Гончаренко. – М.: Вече, 2013. – 400 с.: ил. (Царский Венец).

Полнер Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. – М.: Русский путь, 2001. – 464 с.

Практическая энциклопедия: Основы правильной духовной жизни: по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) / Сост. свящ. Сергей Молотков. – СПб.: Сатис, 2003. – 600 с.

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. / Сост. Л. А. Лыкова. – М.: Студия «Тритэ»: Российский архив РЦХИДНИ, 1998. – Вып. 8.: Н. А. Соколов: Предварительное следствие 1919–1922 гг. – 463 с.

Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». – СПб.: Петроний, 2008. – 384 с.: ил.

Соколов Н. Убийство Царской семьи. – Берлин: Слово, 1925. – 300 с.

Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. – М.: Вагриус, 1998. – 192 с.

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. – М.: Русский Хронографъ, 2010. – 576 с.: ил.

Чудеса Царственных мучеников: В 2 т. / Собрал и сост. прот. Александр Шаргунов. – М.: Хронос-Пресс; Курган: Звонница, 2001. Т. I. – 624 с.

Якобий И. П. Император Николай II и революция; Фомин С. В. «Боролись за власть генералы... и лишь Император молился». – СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2005. – 864 с.

